

РУССКИЙ ЯЗЫК НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**Светлана Николаевна
Переволочанская –**

кандидат филологических наук, доцент,
Институт славянской культуры,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина.
Хибинский проезд, 6, Москва, Россия, 129125.
info@gask.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о современном состоянии русского языка. Информационные технологии в XXI веке предъявляют иные формы подачи языкового знания, иные способы квантования информации в языковом знаке. Развитие русского языка происходит от стандартного, прямого выражения мысли к нестандартному, психологически сложному, ассоциативно глубокому изложению мысли. В начале XIX века в период демократизации русского языка был явлен национальный гений — А. Пушкин, благодаря которому в языке нашла свое отражение уникальная информационная, культурная, художественная эволюция. На рубеже XX–XXI веков в рамках демократизации и глобализации происходят процессы, во многом напоминающие развитие двухсотлетней давности. Эти процессы предполагают наличие некоторых закономерностей — преодоление стилистического разнобоя, изменение границ языкового знака и смысловое расширение.

Ключевые слова

Знак, символ, языковой эксперимент, неолексема, смысловая валентность.

THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE TURN OF THE CENTURY: SEMANTIC CAPABILITY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Svetlana N. Perevolochanskaya –

Ph.D., Associate Professor,
Institute of Slavic Culture,
Kosygin Russian State University.
Khibinsky Proezd 6, Moscow, Russia, 129125.
info@gask.ru

Abstract

The article considers the current state of the Russian language. Information technologies in the twenty first century present diverse forms of linguistic knowledge and modalities of knowledge quantisation in a linguistic sign. The Russian language develops from a standard, direct expression of thoughts to a nonstandard, psychologically complex, associative deep statement of thoughts. In the early nineteenth century, during the democratisation of the Russian language, a national genius, Alexander Pushkin, emerged. Thanks to him, the unique informational, cultural, and artistic evolution of the language took place. Nowadays, while democratisation and globalisation, processes which resemble the language evolution 200 years ago, are occurring. These processes suggest some patterns: overcoming stylistic disparity, changes in linguistic sign boundaries and semantic extension.

Keywords

Sign, symbol, linguistic experiment, neolexeme, semantic valency.

Язык — неперенный компонент информационно-когнитивной парадигмы. Структура мира отражается в мышлении: оно ответственно за создание информационной модели мира, конструирование которой осуществляется на базе образов и выражается в поиске знаковой формы, в которой фиксируется словесное значение. Содержание зацепляется за вербальный каркас и уже в нем начинает свое обновленное существование: будучи знаково оформленным, оно находится в состоянии поиска связей и отношений в новой парадигматической реалии.

В последние годы появилось много лингвистических работ описательного характера, которые сводятся к эмпирическому анализу богатого языкового материала, представляющего собой попытку осмысления состояния современного русского языка: рассматриваются единицы, взаимоотношения между ними, устанавливаются системные связи, создаются словари, лингвисты наблюдают семантические, словообразовательные процессы, специфику синтаксических конструкций и т.п. На базе этого анализа делается попытка качественно оценить весь этот материал и выдать какое-то аксиологически важное резюме относительно русского языка. Но такое рассмотрение есть лишь фаза в поступательном движении языка. Языковые ресурсы — это не только «ставшее», но и накопление, «становление» во времени.

Настало время комплексного анализа, который предполагает обсуждение вопроса о современном состоянии русского языка в двух системах координат — не только синхронически (описательно), но и диахронически (исторически). Только тогда картина может предстать в своем объективном виде.

Современный русский язык на рубеже XX–XXI веков характеризуется широким диапазоном разнообразных языковых явлений и фактов, обусловленных информационной революцией, которая породила некий ментальный шок, вызванный глобальным отставанием информационного потребления от информационного производства. Данный процесс определил резкий перелом в русском языке, обусловленный сменой информационных, культурных и художественных парадигм.

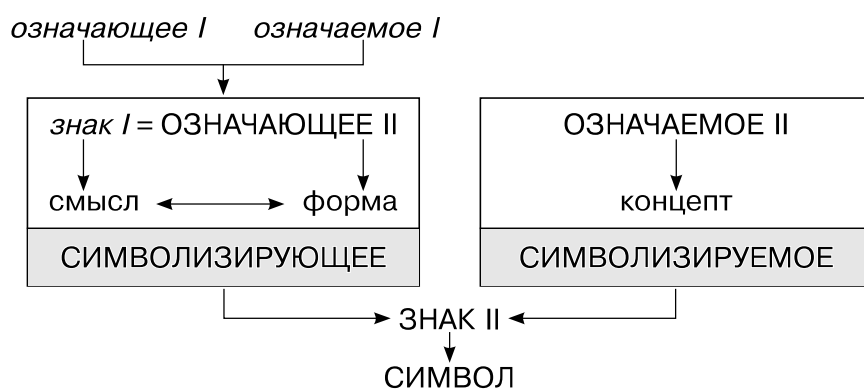
Кризис в рамках информационной парадигмы выразился в безысходной невозможности охватить интеллектуальное богатство коллективного разума отдельной личностью: накопленный информационный ресурс оказался необеспеченным языковыми формами его хранения. Старые формы потеряли свою привлекательность по причине того, что они не могли справиться с энергетической емкостью новых содержательных единиц. Возникла потребность в такой системе знаков, которая способна была бы вместить новый семантический материал.

Культурно-историческая парадигма обозначила себя в поиске русского культурного кода, который спровоцировал обострение отношений в оппозиции *западное ↔ национальное*, в борьбе между западниками и славянофилами (либералами и патриотами). Потребность в семантическом расширении языкового знака предполагала обращение не только к национальному культурному знаку, но и к знакам европейской культуры.

Художественная парадигма есть средство воплощения в творчестве общих и специфических черт. В современном языковом сознании оппозиция *традиционно-универсальное ↔ индивидуальное* проявляется в попытке оторваться от нормы и создать свой креативный знак-символ, обеспечивающий вхождение в новую художественную систему, не имеющую четких границ, гетерогенную по своей природе, мультимодальную по своей характеристике. Результат такой работы — создание особого рода текстов, гипертекстовых структур, нелинейных, виртуальных, мультимедийных, ризоморфных в своей основе, обеспечивающих выход на просторы дискурса.

Современные информационные технологии в XXI веке предъявляют иные формы подачи языкового знания, иные способы квантования информации в языковом знаке. Для современного русского языка свойственна асимметрия языкового знака: наблюдается нарушение пропорции между планом содержания (означающим) и планом выражения (означаемым). Эта работа проявляется в двух направлениях. С одной стороны, возникает так называемая культура легких касаний¹, которая предполагает поверхностный смысловой охват, без заглублиения в семантическую «пучину», которая порождает культуру симулякров, где форма (означающее) выше самого содержания. Знак в этом случае становится пустым, не отражающим связи с реальностью. С другой стороны, в языке наблюдается и противоположный процесс, связанный с компрессией информационных потоков, которые необходимо упаковать в сверхзначимую форму. В этом случае языковой знак становится метазнаком — символом: он вмещает в себя огромный содержательный объем через использование уже готового знака, который становится значимой формой (означающим) для нового содержания. Речь в данном случае идет о вторичной моделирующей системе².

Рис. 1. Символ как метаязыковое явление³

¹ Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. Литература и теория. М.: Изд-во Р. Элинина, 2000.

² Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: Пер. с франц. М.: Прогресс, 1989.

³ См.: Переломанская С.Н. Символ как метаязыковое явление // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции / отв. ред. Е.И. Диброва. М.: СпортАкадемПресс, 1998. Т. 1. С. 56–59.

Как видно, представление о слове становится более сложным, сквозь один знак просвечивает другой, семантическая структура слова теряет четкие очертания и становится рефлексивной. По мнению Г.П. Щедровицкого, рефлексия является необходимым условием процесса производства новых смыслов, объективации их в виде знаний, предметов и объектов деятельности, а в последующем и специфического функционирования последних⁴.

Следует отметить, что подобные процессы происходят в языке с определенной периодичностью, определяются сменой когнитивно-информационных парадигм, которые неизбежно связаны с процессами глобализации и демократизации. В этом отношении можно представить ретроспективный и перспективный взгляд на языковое развитие.

Начало XIX века в истории русского языка ознаменовалось появлением национального гения А.С. Пушкина. Неслучайно, что в этот переломный период была явлена фигура поэта. Поэзия очень чутко реагирует на языковые изменения: гиперболочка поэтического слова способна вместить всю глубину смыслового континуума. Начало XXI века отмечено смысловой активностью и креативностью выражения мысли. В современном русском языке идет выработка комбинированного стиля, выражающегося в попытке освободиться от жестких, строгих норм. При этом используется весь арсенал средств общенародного языка от разговорной речи до социальных диалектов и просторечия, что и определяется как демократизация языка. Общая картина свидетельствует о тенденции языковой сниженности. Последнее реализуется в языковых феноменах вульгаризации (вкрапления в речь жаргона и просторечия) и эвфемизации в рамках интертекстуальности, языковой игры.

В языке А. Пушкина заимствованные слова проявляют словообразовательную активность (*Амур* → *амуриться*, *конфуз* → *конфузиться*; *рифма* → *рифмодей*, *рифмоплет*, *рифмотвор*, *рифмач*, *рифмичество* [пренебрежительно о поэтическом творчестве], *Рифмов*, *Рифматов*⁵ [обозначение посредственного поэта]); либо расширяют свой семантический объем, прирастая имплицитными смыслами в речи, меняя направление семантического развертывания в рамках антонимии (*филантрон* — ‘человеколюбец, гуманист’: *Изрек хлыстом махая Полковник филантрон*); либо вступают в нестандартное соединение с другими лексическими единицами в перифразах, что рождает эффект эмоционального воздействия (*музы пол-девицы*, *рублевые Киприды*; *султан* — титул верховного правителя в мусульманских странах: [о Вольтере] *султан французского Парнасса*; [о В.В. Энгельгардте] *ленивый Пинда гражданин*, [о поэте] *парнасский бродяга*, *парнасский волокита*, [о плохом поэте] *конюший дряхлого Пегаса*).

⁴ Щедровицкий Г.П. Категориальный аппарат и теоретические схемы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит, 1995. С. 273.

⁵ Орфография и пунктуация здесь и далее дается по ПСС А.С. Пушкина в 17 томах.

Все эти процессы функционально оправданы: заимствованные слова выступают как средство характеристики, авторской оценки, часто употребляются с целью создания шуточного или иронического контекста.

Если в языке Пушкина демократизация языка опиралась на универсализм прекрасного, где эстетическая компонента была ведущей, то современный процесс демократизации в языке еще только определяется в приоритетах — эстетически возвышенных или сниженных. Процесс брожения еще только начинается. Творческий нереализованный потенциал ищет креативных форм выражения, что всегда сопровождается стремлением к выбору предельно экспрессивных средств языка, которые могут стать «катализаторами гражданского разногласия».

В современном русском языке наблюдается повышенный градус экспрессии при использовании заимствованных единиц, которые интересны как источник для создания словообразовательного гнезда. Производные слова получают особую эмоциональную окраску: иноязычный элемент, вписанный в определенную словообразовательную модель, придает особую выразительность новым лексическим единицам, привлекает своей необычностью, «свежестью».

Представим словообразовательное гнездо, построенное на базе заимствованной лексемы *ксерокс*, которая нашла свое место в литературном языке. Появление данной единицы связано с названием американской корпорации по производству офисной техники *Xerox*. Данный оним только в таком графическом виде (запись буквами английского алфавита) употребляется для обозначения американской компании. Лексема *ксерокс* (запись буквами русского алфавита) в русском языке — полисемант, она имеет следующие значения:

1. вид электрофотографии (синоним слова *ксерография*, заимствованное из английского *xerography*, которое построено на базе греческих заимствований *xēros* — сухой и *gráphō* — пишу);
2. устройство для ксерографии (образованное на базе метонимического переноса в русском языке);
3. результат работы устройства — изображение.

Словообразовательное гнездо строится по следующим моделям.

Ксерокс (в 3 значениях) → ксерокоп-*и*-я ↔ ксерокоп-*ирова*-ть → ксерокопировать-*ся* → ксерокопирова-*ни*-ый // ксерокопирова-*ль/н*-ый. Производящая основа слова *ксерокс* (в 3 значениях) дала целую цепь разговорно-просторечных образований: ксер-*ев*-о ↔ ксер-*и*-ть (ся) → *от*-ксерить (ся) // *за*-ксерить (ся); ксер-*ну*-ть (ся). Еще более сниженными выглядят дериваты от данной производящей основы в молодежном сленге: ксер-*ачи*-ть → *от*-ксерачить (для сравнения: *напортачить*, *судачить*, *фигачить*).

Данная словообразовательная парадигма дает богатую парадигму глагольных форм: *ксерокопировать* — *ксерокопировавший*; *ксерить* — *ксеривший*; *отксерить* — *отксеривший*; *заксерить* — *заксеривший*; *ксернуть* —

ксеронувший, ксернувший; ксерачить — ксерачь(те) (повелительное наклонение), *ксерачащий* (действительное причастие настоящего времени), *ксерачевший* (действительное причастие прошедшего времени), *ксерача* (деепричастие); *отксерачить — отксерачивший*.

Синонимами данных глаголов в молодежном сленге выступают дериваты, которые можно было бы условно (!) назвать региолектами, *канонить* (*канонивший*) → *отканонить*. Употребление данных глаголов характерно лишь для некоторых дальневосточных регионов, где копировальные аппараты японской корпорации *Canon* имели преимущество перед аппаратами компании *Xerox*.

Огромную популярность в речевом употреблении приобретает лексема *хайп* (англ. *hype*, в переводе означает 1. навязчивая реклама, принуждающая потребителя к приобретению товара, 2. шумная вечеринка). В русском языке заимствованная единица обрастает новыми смыслами, на ее базе формируются новые слова. У заимствованной единицы выделяются два значения в молодежном сленге:

1. обман, подделка, выдумка, информационная шумиха, вызывающая бурную реакцию;
2. тренд, преобладающая тенденция, общее направление развития чего-л. (общественного мнения, моды и т.п.).

На базе первого значения образуются глаголы: *хайп* → *хап-и-ть* / *хап-ова-ть* / *хайп-а/ну-ть*. Встречаются в следующих выражениях: *хайпануть немножко* ('попиариться / раскрутиться за чей-то счет'), *раздуть хайп // поднять хайп* ('пустить ложный слух в СМИ, в интернете'). На базе второго значения в активный речевой оборот входит производное слово *хайповый*: *хайповый человек* ('пользующийся в данное время всеобщим признанием, успехом'); *хайповая музыка* ('популярная', 'скандальная'); *хайповая вещь* ('модная'), *хайповый шмот от Гоши Рубчинского*. Отметим, что в последнем примере лексема *шмотка/шмотки* меняет свою морфологическую характеристику: в этом употреблении у лексемы *шмот* появляется собирательное значение, дериват образуется не при помощи суффикса *-j-* (*шмотъje*), а бессуффиксным способом, при этом дериват «закрепляется» в грамматической форме мужского рода.

Анализ показывает, что заимствованные слова в речи носителей русского языка легко вступают в словообразовательные отношения. Наибольшая активность проявляется в образовании глаголов: *кайтить* (из компьютерной игры, 'действие атакующего, при котором он всегда убегает от противника'); *флексить* ('хвастаться материальным достатком' — *флексить шмотками*); *дайвить* ('заниматься дайвингом, подводным плаванье с аквалангом'); *чилиить(ся)* ('отдыхать, ничего не делая', 'бездельничать'); *агриться* ('испытывать злость'). Наличие таких глаголов говорит о попытке приспособить «инокультурную» единицу к особенностям своего языка, что позволяет расширить синонимические возможности русского языка.

Данные неолексемы создают особую подсистему. Широкая деривационная картина свидетельствует об ориентированности полученных неологизмов на прием языковой игры, на языковой эксперимент, который и характеризует креативность языкового сознания современных носителей языка.

Анализ языкового материала показал, что стилистически сниженная лексика проникает во многие сферы функционирования языка, где раньше она была недопустима, что свидетельствует о снижении эстетического и этического критериев языковой нормы. В современном русском языке скандальность может перерасти в эпатажную агрессию. Этот процесс можно продемонстрировать на примере персонифицирующих единиц — антропонимов. Двухкомпонентная модель — личное имя и патронимическое имя — становится менее востребованной. Патронимическое имя выступает как необязательное: в официальном обиходе превалирует другая двухкомпонентная модель — личное имя и фамилия. Антропонимы часто выступают в рамках языковой игры. Определенный градус иронии выражается в производных от онима — *Алексей / Лёша / Лёха Навальный*; в прозвище — *Провальный*; в перифразе *политический шалун*; в номинациях сторонников Навального — *навалышки, навалнята (навалнята против чубайс)*, перифраза *хомячки Навального*.

Широкое распространение получает употребление только патронимического имени, которое является стилистически сниженным, предполагает наличие оценочности. Разговорный вариант патронима Виссарионыч (Иосиф Виссарионович Сталин) — «Виссарионыч откопался» — употребляется в значении «возрождение идей вождя народов» (из диалогов на радиостанции «Эхо Москвы»). Для сравнения: «Пора Иосифа Виссарионовича откапывать» (из интернет-блога).

Яркое проявление языковой игры с антропонимами наблюдается в номинации рубрики на «Эхе Москвы» — «Полный Альбац» (здесь происходит метонимический перенос: *фамилия* ведущей авторской аналитической программы, журналистки Евгении Альбац → *название передачи*), всплывает целый комплекс лексических номинаций (*полный абзац, полный чубайс!* и т.п.), содержащий экспрессивную окраску и оценочный компонент. При этом происходит потеря признаков имени собственного, осуществляется его переход в имя нарицательное. Для сравнения приведем название утреннего эфира политического ток-шоу на радио «Полный контакт с Владимиром Соловьевым»: в данной номинации заложен семантический признак ‘непосредственное общение’, установление непосредственного контакта с собеседником.

В начале XIX века прием языковой игры с онимами раскрывал специфику смысловой валентности имени собственного в интертекстуальном поле не только художественного текста, но и текста публицистического и эпистолярного. Семантическая контаминация онимов происходит в случаях, когда А. Пушкину, кроме номинации, требовалось дать оценку того или

иного лица: *Улисс Лобанов* [Улисс и Лобанов Михаил Евстафьевич — писатель, драматург], *Аякс Федоров* [Аякс и Федоров Борис Михайлович — прозаик и стихотворец, журналист], *Языков–Нестор* [Языков Дмитрий Иванович — автор перевода работы А.Л. Шлёцера «Нестор. Русские летописи»]. Такого рода образования синкретичны, образуют тесное смысловое единство. Метонимический сплав — автор и его творение — содержится в именовании «бабочка-Филимонов», обе части номинации представляют собой характеристику-оценку: «Бабочка» — название издававшегося В.С. Филимоновым журнала, по своему содержанию очень низкого качества.

Интересна в этом контексте отсылка к пушкинской эпиграмме на Ф.В. Булгарина — противника А. Пушкина в книжно-журнальной полемике первой трети XIX века: *Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях! Пожалуй, будь себе татарин, — И тут не вижу я стыда; Будь жид — и это не беда; Беда, что ты Видок Фиглярин*⁶. Прецедентное имя *Видок*, употребляющееся и в пушкинских статьях, стало символом безнравственности, доноительства, оно есть имплицитная номинация сочинителя пасквилей. Онимическая контаминация имени *Видок* (прецедентное имя, имеет отсылку к судьбе реального лица *Эжена Франсуа Видока* — нечистоплотного представителя французского частного сыска) и фамилии *Булгарин* в языковом обыгрывании с *Фиглярин*, где корневая морфема содержит семантические признаки «обманщик» и «двуличный человек», представляет собой оценочную номинацию, содержащую полемический задор автора эпиграммы и ассоциативный намек на факт доноительства Фаддея Булгарина.

Ассоциативность пушкинского мышления позволяет заменить длинное описание одним сублимированным словом. Ассоциативность современного мышления обусловлена желанием в семантический каркас слова включить бесконечный информационный континуум. Рубеж XX–XXI веков предъявляет более резкие ассоциации, иногда граничащие с цинизмом, который есть проявление протестных настроений в молодежной субкультуре.

Прецедентные высказывания (логоэпистемы) часто репродуцируются в современном русском языке, выступают как «самодостаточные единицы». Например, происходит смысловая трансформация устойчивых сочетаний (поговорок, цитат из художественной литературы), понимание которых требует не только языкового знания, но и знание культурного фона, позволяющего понять реминисцентные отсылки. Прецедентное высказывание — измененная цитата-поговорка: *Любите газету, неиссякаемый источник кульков для семечек* (Любите книгу, неиссякаемый источник знаний), *Не йоги горшки обжигают!* (Не боги горшки обжигают), *По Хуану и сомбреро* (По Сеньке и шапка), языковая игра на грани абсурда — *Сытый конному не*

⁶ Пушкин А.С. Эпиграмма // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. 1948. С. 159.

неший (Сытый голодному не товарищ), *На безрыбье и Дед Мороз — Снегурочка* (На безрыбье и рак — рыба), *Любишь кататься — люби и катайся!* (Любишь кататься — люби и саночки возить), *Одна голова хорошо, а с туловищем лучше* (Одна голова хорошо, а две лучше). Прецедентное высказывание — отсылка к текстам А. Пушкина: *Закинул старик в море невод и сидит, как дурак, без невода* («Сказка о рыбаке и рыбке», обыгрываются значения лексемы *закинуть* ‘бросить куда-либо’ и ‘выбросить как ненужное’); *Иных уж нет, других долечим* (*Иных уж нет, а те далече* — игра фонетически близких по звучанию выражений). Прецедентные высказывания — отсылка к текстам М. Горького: *Рожденный ползать упасть не может* (*рожденный ползать — летать не может*); отсылка к текстам В. Тушиновой: *Не отвлекаются любя! (Не отрекаются любя)*⁷.

На базе единиц, входящих в состав словаря Русского арго, в радиэфире появилось новое выражение *это тебе не жук лапкой потрогал* — шутливо ‘о чем-либо важном, значительном’ (для сравнения: *это тебе не в тряпочные кегли играть / это тебе не хухры-мухры*. В университете учиться — *это тебе не мыло в тазике гонять*).

Нарочитая игра со словом граничит с аномальностью. Новым явлением в современном русском языке являются производные единицы, которые первоначально были употреблены в социальных сетях со знаком хештега (хеш-тега). Последний можно считать маркером, выделяющим актуальную для обсуждения тему. Со словообразовательной точки зрения интерес представляют объединения слов, которые, «пускаясь в свободное плавание», теряют связь со знаком-маркером, превращаются при этом в самостоятельные слова, обладающие ярко выраженной экспрессией и смысловой активностью. Это неолексемы представляют собой полисинтетическую единицу — слово-предложение. Способ образования данной единицы можно определить как сращение в рамках чистого сложения: *яжемать, яжемамка, онажемамаша; яженяня, яжебабка, яжебабушка, яжебати; онжеребенок, онижедети, онажедевичка; тебежалкочтоли*. В данных неолексемах выражена целая философия носителей языка — эгоцентризм личности, требующей к себе особого отношения, которое строится на ложном понимании своей сверх значимости. Ключевая, доминантная сема в этих новообразованиях — сема ‘долженствования’.

Общий анализ языкового материала дает возможность сделать вывод о том, что идеи развития языковых явлений начала XIX века и рубежа XX–XXI веков почти универсальны. Они основываются на поиске модели воплощения бесконечного смысла, который предполагает некий механизм уплотнения информационного континуума. Очевидно, перспективу дальнейших

⁷ *Фоменко Н.* Афоризмы // Русский Дом [online]. URL: <http://russiahousenews.info/funny-story-aphorisms/zamechatelnie-aforizmi-nikolaya-fomenko> (дата обращения: 02.12.2018); *Фоменко Н.* Афоризмы // ParfumClub.org [online]. URL: <https://parfumclub.org/other/citaty-nikolaya-fomenko.html> (дата обращения: 02.12.2018).

исследований можно видеть в области поэтического дискурса: поэзия, опираясь на условность поэтического слова, точно улавливает смысловую составляющую времени. В современной поэзии намечается тенденция к поиску уникальных стилистических приемов — отказу от знаков препинания в поэтическом тексте. Это предполагает освобождение от ига формы, выход на смысловой простор. В таком формате ничто не мешает зацеплять смысловые объемы слов. Здесь поэтический дискурс проявляет себя в своем истинном предназначении: «оголенная» авторская мысль модулирует в читательское сознание, что создает прецедент «размножения текста» в воспринимающем его сознании. А это уже кажущаяся свобода от всяких норм, граничащая со смысловой анархией. Рефлексия мысли встраивается в образную систему, которая порождает символическую природу знака.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Переволочанская С.Н. Символ как метаязыковое явление // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции / отв. ред. Е.И. Диброва. М.: СпортАкадемПресс, 1998. Т. 1. С. 56–59.
3. Щедровицкий Г.П. Категориальный аппарат и теоретические схемы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит, 1995.
4. Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. Литература и теория. М.: Изд-во Р. Элинина, 2000.

References

1. Barthes, R., 1989. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress.
2. Perevolochanskaya, S.N., 1998. Simvol kak metazykovoe yavlenie [Symbol as a metalinguistic phenomenon]. In: Dibrova, E.I., ed. 1998. *Semantika yazykovykh edinic: Doklady VI Mezhdunarodnoj konferencii. T. 1* [Semantics of language units. Reports of the VI International Conference. Vol. 1]. Moscow, pp. 56–59.
3. Shchedrovickij, G.P., 1995. *Kategorial'nyj apparat i teoreticheskie skhemy*. In Shchedrovickij, G.P., 1995. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow.
4. Ehpshtejn, M.N., 2000. *Postmodernizm v Rossii. Literatura i teoriya* [Postmodernism in Russia. Literature and theory]. Moscow: Izd-vo R. Ehlinina.